

Кроме того, в УПК РФ не закреплена такая форма взаимодействия следователя и сотрудников, осуществляющих ОРД, как *следственно-оперативная группа*. В соответствии с УПК РФ возможно лишь создание следственной группы, к работе которой могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих ОРД (ч. 2 ст. 163). Однако в соответствии с ведомственными нормативно-правовыми актами начальник органа внутренних дел своим приказом в целях обеспечения эффективного взаимодействия органов и подразделений при расследовании уголовных дел может создавать специализированную следственно-оперативную группу. В соответствии с ч. 7 ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий» следователь имеет право привлекать оперативного уполномоченного к участию в следственных действиях, о чем должен указать в протоколе соответствующего следственного действия. Но мы видим, что в данных нормах отсутствует законодательное определение полномочий сотрудников оперативных подразделений, к каким именно следственным действиям следователь может их привлекать, в каком качестве и т.п.

Таким образом, взаимодействие следственных и оперативных подразделений должно начинаться, в – первую очередь, с его должного правового регулирования. Поскольку в законе не определено, что такое «взаимодействие» и как его правильно строить, каждый действует «по наитию» и как придется, это крайне негативно сказывается на результатах такого взаимодействия и в целом расследования. Видится необходимость в уголовно-процессуальном и оперативно-розыскном законодательстве раскрыть понятие «взаимодействие», «взаимодействие следственных и оперативных подразделений»; предусмотреть создание следственно-оперативных групп и раскрыть содержание полномочий ее участников.

Луговая Анастасия Владимировна,
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических кадров
Академии ФСИН России,
старший лейтенант внутренней службы

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Пристальное внимание к институту заключения под стражу обусловлено прежде всего существенностью ограничения правового статуса лица, подвергаемому данной мере пресечения. Научная дискуссия относительно рассматриваемой проблематики связана с некоторым несовершенством нормативного регулирования исследуемой меры

принуждения, а также трудностями, с которыми сталкиваются правоприменители.

Мы склонны обратить внимание на следующие проблемные моменты реализации положений института заключения под стражу:

1. Несовершенство процедуры подготовки и подачи в суд постановления о возбуждении ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

2. Неточности нормативного регулирования рассматриваемого института применительно к вопросу территориальной подсудности¹.

3. Несовершенство процедуры рассмотрения ходатайства следователя, дознавателя о применении заключения под стражу.

Отсутствие перечня материалов, представляемых в суд в качестве приложений к ходатайству о применении заключения под стражу приводит к тому, что способы решения этого вопроса среди правоприменителей различны. В подавляющем большинстве случаев в суд направляют копии постановлений о возбуждении уголовного дела, привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколов задержания, протоколы допросов обвиняемого, его соучастников, потерпевшего, отдельных свидетелей, сведения о личности, характеризующие материалы на лиц, подвергаемых мере принуждения. Результат в распоряжении судьи – лишь малая часть сведений из совокупности информации, аккумулированной в уголовном деле. В связи с этим в научной литературе для обеспечения принятия законного и обоснованного решения предлагается внести изменения в УПК РФ для предоставления суду полномочия требовать представления всех материалов уголовного дела². С данным подходом автор не может согласиться и считает нецелесообразным подобное реформирование уголовно-процессуального законодательства, так как может повлечь значительное увеличение временных рамок принятия соответствующего процессуального решения.

Согласно ч. 4 ст. 108 УПК РФ постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого. Необходимым является четкое разграничение подозреваемого и обвиняемого, обладающих разными процессуальными статусами, в ходе применения заключения под стражу. Например, рассмотрение ходатайства о

---

¹ См.: Лебедев А.А. К вопросу о рассмотрении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по месту задержания обвиняемого // Вестник Пермского института ФСИН России. 2016. № 4 (23). С. 41.

² См.: Багаутдинов Ф.Н. Актуальные вопросы избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 66.

заключении под стражу по месту задержания подозреваемого возможно только в отношении этого участника и не позволяет говорить о такой подсудности применительно к обвиняемому. Поэтому в случае, если обвиняемый, скрывающийся от органов предварительного расследования, будет задержан вопрос о помещении его в СИЗО может быть рассмотрен исключительно по месту производства предварительного расследования. Такое положение дел нельзя признать адекватным. В связи с этим предлагаем изложить ч. 4 ст. 108 УПК РФ следующим образом: «Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого или обвиняемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд».

Довольно часто высказываются мнения о несовершенстве механизма избрания рассматриваемой меры пресечения, что влечет за собой формальный подход к проверке обоснованности ходатайства следователя, дознавателя, невозможность проверки правильности квалификации содеянного¹. Обеспечение баланса прав сторон в уголовном судопроизводстве представляется возможным за счет гарантированности принципа состязательности. Все это требует усиления судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса. Анализ способов решения указанных задач, на наш взгляд, требует обращения к институту следственных судей, дискуссия о которых среди процессуалистов имеет место уже продолжительное время². В ходе научной полемики по указанному вопросу мнения разделились. Ряд исследователей утверждают

---

¹ См.: Шаликова Н.И. Некоторые особенности процессуального порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу по законодательству России и республики Казахстан // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения». 2018. С. 352.

² См.: Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе. РАПСИ, 2015. URL: <http://www.iuaj.net/node/1723>; Ковтун Н.Н. Специализированный следственный судья: за и против // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 41–45; Головки Л.В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? URL: <http://www.iuaj.net/node/1740>; Муратова Н.Г. Следственный судья в судебной системе Франции и России // I Международный симпозиум : сб. статей ученых Казанского университета. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. С. 373–378.

о необходимости введения должности следственного судьи¹. Другие напротив резко критикуют подобные нововведения, рассматривая их как проявление «американизации» российского уголовного судопроизводства неприемлемое для него². Считаем, что более обоснованной представляется позиция сторонников возрождения института следственных судей, которым следует делегировать полномочия по контролю за соблюдением конституционных прав человека и гражданина, наличием оснований передачи уголовного дела в суд, а также помощи сторонам в сборе доказательств путем проведения судейских следственных действий³.

Следственные судьи ввиду отстранения их от рассмотрения уголовных дел по существу получают возможность полноценного исследования собранных материалов в ходе предварительного расследования. Подобный подход явно будет способствовать повышению качества и эффективности судебного контроля, позволяя не формально проверять обоснованность ходатайств о заключении под стражу.

---

¹ См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней: комментарии к закону / Александрова А.С. и др. – М.: Юрлитинформ, 2015. С. 147; Ковтун Н.Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» («следственный судья») // Российский судья. 2010. № 5. С. 15; Головинская И.В. Следственные судьи и судебные следователи: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 2 (35). С. 63; Афанасьев А.Ю. Диспозитивность, дискреционность и усмотрение в уголовном процессе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8. С. 42; Афанасьев А.Ю., Афанасьев Д.А. Следственный судья в уголовном процессе России: «американизация» или возвращение к истокам? // Наука. Мысль. 2015. Т. 5. № 8. С. 65.

² См.: Поздняков М.Л. Перспективы института следственных судей // Уголовный процесс. 2015. № 6 (126). С. 24; Головки Л.В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции // Сайт РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html (дата обращения: 24.02.2020).

³ См.: Щелкунов С.В. Возрождение института следственных судей в уголовном процессе РФ – гарантия качества предварительного расследования и правосудия // Сборник научных статей IV-ой Международной научно-практической конференции «Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика»: в 2 частях. 2015. С. 117.